

ДАНА ДЕЛОН

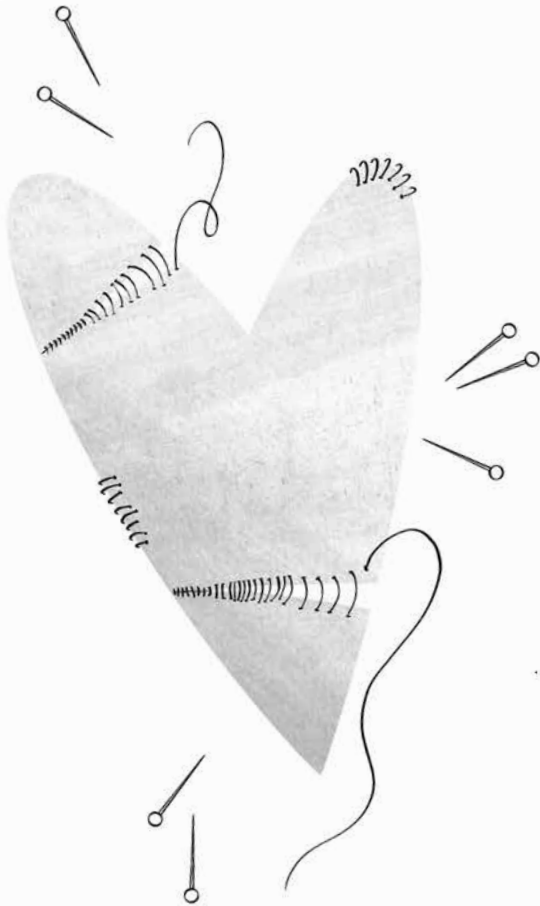
Секреты жизни
ЖИЗНЬ

ДАНА ДЕЛОН

Непрожитая
ЖИЗНЬ

Моим верным читателям

ПЛЕЙЛИСТ:

the paper kites — Willow Tree March

NF — dreams

Daughter — youth

Kaleo — Way down we go

Hurts — Wings

One republic — apologise

Elliott Smith — between the bars

Ed Sheeran — Shape of you (acoustic)

Kaleo — Hot blood

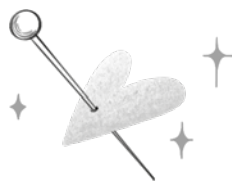
3 doors down — here without you

Sam Tinnesz — when the truth hunts you down

Kaleo — all the pretty girls

Tibz — nation

ГЛАВА 1

МИКАЭЛЬ

МЕДЛЕННО ОТКРЫВАЮ И ЗАКРЫВАЮ ГЛАЗА. Мечтаю. Когда же наступит миг, тот самый миг, когда я больше не смогу выполнить это простое действие? Я представляю, как смотрю на себя сверху: мои глаза закрыты. Они не открываются. Они просто закрыты. Покой написан на моем лице. Час пробил, теперь мое тело будет лежать без всякого движения, и я больше не буду его рабом. В комнату заходит мама, я чувствую запах ее духов и слышу тихие шаги. Я не открываю глаз. Я сплю. Так легче — проспать весь кошмар и всю боль. Я верю в жизнь после смерти, в другие миры и Вселенную. Еще я верю, что был создан для чего-то другого. Не для этого мира. На этот мир во мне обнаружили аллергию под названием «рак». Четыре года назад моя жизнь перевернулась...

Мама уходит. Я открываю глаза и сажусь. Это движение забирает почти все мои силы. Место, где я нахожусь, — это то ли больничная палата, то ли моя комната. Оно не похоже на комнату семнадцатилетнего парня из-за медицинской техники и огромного количества лекарств на тумбочках и столах. Оно не похоже и на палату из-за синих занавесок и моей

мебели. Иногда я задумываюсь: что я чувствую к этому месту? Мама хотела, чтобы лечение проходило на дому: она считает, что дома человеку комфортнее, уютнее, спокойнее. Но что такое дом? Я не ощущаю себя дома. Я ощущаю себя никак и никем. Депрессия? Чертовски верно.

Тянусь к компьютеру и захожу в соцсети. Страничка этой девочки все еще открыта, но новых постов нет. Уже три дня молчания — и я словно испытываю ломку по ее иронии и чувству юмора. Обычно она не молчит так долго, обычно она пишет по посту в день. Кликаю на фотографию профиля. Девочка на ней улыбается, и ее глаза блестят. То ли голубые, то ли зеленые, они выделяются на фоне длинных черных волос. Мне нравится этот контраст. Мне нравятся ее губы и форма носа. Я бы даже назвал ее красивой. Я бы даже добавил ее в друзья и написал ей. У нас много общего — музыка, фильмы, книги. Нам было бы о чем поговорить и что пообсуждать. Я бы дарил ей красивые букеты и водил в кино. Встречал после школы и покупал сладости. Я бы хотел планировать с ней каникулы, познакомить ее со своей семьей и быть с ней. Но все это возможно лишь в другой жизни или на другой планете. Со злостью закрываю крышку ноутбука. Глубоко вдыхаю, хотя делать это больно — но больно делать абсолютно все, — ложусь и замираю. Не шевелюсь, погружаясь в некую протрацию между сном и реальностью. Стараюсь заглушить злость, бушующую в душе. Не получается. Внутри меня один за другим взрываются

вулканы. Хочется кричать, рвать и метать. Но я не могу — слишком сильную боль вызывает любое мое движение. Вдох, выдох. Вспоминаю ее улыбку и успокаиваюсь. Осторожно поднимаюсь. Нужно принять обезболивающее, но это потом. Я тянусь к компьютеру. Открываю крышку, жду, пока перезагрузится ее страничка. И... она пуста. Две секунды полного непонимания. Вновь перезагружаю страницу, но результат тот же. Страница пуста. Нет ни одного поста. Ни одного. Я смотрю на время: прошел час. За этот час она удалила все, что помогало мне улыбаться. Все, что дарило новые эмоции в течение последних трех месяцев. Удалила все полностью, без остатка. Вновь хлопаю крышкой и нажимаю на красную кнопку. Обезболивающее попадает в кровь и забирает с собой всю боль. Всю — и во мне остается лишь пустота.

ЛЕА

Хотите произвести очистку души от дерьма? Начните со страницы в соцсетях. Не знаю, почему и как это работает. Но удаление собственных постов, которые казались вам воплощением гениальнейших мыслей человечества, наверняка поможет успокоиться. Часа на два. А может, и меньше. А потом вы будете так же продолжать метаться, не зная, куда деться от гнева и печали. Давайте, назовите меня подростком, который принимает все слишком близко к сердцу. Который преувеличивает масштаб катастрофы

и вообще склонен фантазировать и надумывать проблемы там, где их нет. Так ведь проще: смотреть на нас как на не понимающих жизнь дураков, свысока наблюдать за нашей глупостью. Ведь взрослые такие умные... Вы ведь умные? Три дня назад меня использовал парень, лишил девственности, бросил. А сегодня утром сосался с моей лучшей подругой прямо у меня перед носом. Пустяки? Вообще никчемная выдуманная проблема? Даже не знаю, что хуже: то, что он сделал это на спор, или то, что я такая наивная дура. Или, возможно, тот факт, что все это произошло в День влюбленных? Вопрос риторический и не требует ответа. И вообще, знаете что? Пошли вы все на фиг! И заберите с собой этот кусок дерьма, в который я умудрилась влюбиться. Да, именно влюбиться. Разве первая любовь не должна быть чем-то прекрасным? Вы ведь умные, вы должны знать. И не надо врать. Я сейчас скажу вам правду. Слушаете? Я вам скажу правду, и звучит она так: все первые разы просто полный отстой. Во время первого поцелуя я не могла понять, что вообще происходит и зачем люди топят друг друга в слюне. Во время первого секса мне хотелось орать на Господа Бога: «Почему, черт бы тебя побрал, мне так больно?» О первой моей любви и говорить нечего. Ею оказался парень, который стал со мной встречаться, потому что поспорил с друзьями, что порвет меня в течение трех месяцев. Романтично, воздушно, любовно. Вишенкой на торте оказался тот факт, что все это время он тайно встречался с моей лучшей подругой, которая помогала ему

в его «миссии». Что должно быть в голове у девушки, которая помогает своему парню переспать с другой? Я вот тоже задалась этим вопросом, а ответ оказался прост: эта девушка меня тихо ненавидела и мечтала сделать мне очень больно. Самое отвратительное — у нее это получилось. Мне больно. Боль разрывает меня изнутри, и к глазам подступают слезы. Я моргаю, стараюсь выровнять дыхание и заглушить истерику. И мне это удается. Я не буду плакать в школе. Эти любопытные и сочувственные взгляды, перешептывание за моей спиной. Они не увидят моих слез.

Вы спросите: что за дешевый сценарий? Скажете: «Девочка, очнись! Такого не бывает в реальной жизни. Ты пересмотрела подростковых сериалов». Я бы тоже так ответила, не будь все это моей собственной жизнью. Тогда вы пожалеете меня и скажете: «Иди, деточка, домой, поговори с мамой». А что, если дом — это не дом, а просто место, где я ночую? А что, если мама — это не мама, а какая-то чужая женщина, которая меня родила? И что, если я живу с отчимом, который только и ждет, чтобы мне исполнилось восемнадцать и я свалила из ЕГО дома?

«Где же твой папа?» — спросите вы. Ответ: «Я не знаю». Устраивает? Я знаю, кто он. Знаю, что у нас одинаковые глаза и волосы. Еще знаю, что не вижу с ним с двух лет и не имею понятия, где он в данный момент и с кем. А еще я точно знаю, что никому не нужна. Вы сейчас опять начнете говорить о подростковых гормонах. О том, что мне всего шестнадцать и

я слишком остро реагирую. Но мне какая разница? Ведь то, что я чувствую, — полнейшее одиночество, боль и пустота, не знающая границ.

Перечитываю написанное. Хотите выговориться — напишите. Но публиковать не обязательно. Яростно жму на кнопку «удалить». Сначала просто исчезают буквы, затем целые слова, после не остается ничего. Просто белое пространство. Мы с ним чем-то похожи. В моей душе сейчас тоже пусто. Я бы даже сказала — стерильно чисто.

РАФАЭЛЬ

Яростный стук в дверь будит меня. Мама входит без разрешения, и каждый ее шаг тяжелыми ударами отдается у меня в голове.

— Ты проспал школу, а вчера вернулся поздно в стельку пьяный.

Я не открываю глаз. Я знаю, она смотрит на меня своим убийственным взглядом. Сейчас она скажет, что не собирается такое терпеть.

— Я не собираюсь такое терпеть.

Мои губы расплзаются в легкой ухмылке.

— Я сказала что-то смешное? — В ее голосе звучит сталь.

И я знаю: если сейчас перегну палку, все закончится истерикой, слезами, криками, мольбами о жалости. Поэтому я сажусь и открываю глаза. Они болят от солнечного света. Голова гудит, но я делаю усилие над собой и смотрю прямо на нее:

— Вчера отмечали восемнадцатилетие подружки Пьера. Прости, я должен был предупредить, но телефон сел, а номера наизусть я не помню, ты же знаешь.

Она долго смотрит мне в глаза, будто пытаюсь понять, говорю ли я правду. Был ли я с ее обожаемым Пьером или с другими идиотами, которых она отказывается называть моими друзьями. В конце концов она отворачивается и вздыхает, словно принимая свое поражение.

— Раз уж ты не идешь в школу, проведи день с Микаэлем, — шепотом просит она. — Мне кажется, ему одиноко.

Я лишь киваю, и она уходит.

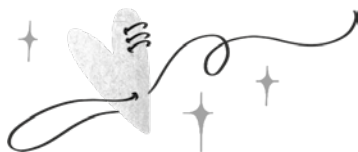
Микаэль... Мой брат-близнец, с которым мы были неразлучны. Микаэль, который лучше, умнее, спокойнее, а внешне — моя копия. Однако в его системе произошел сбой, и последние четыре года своей жизни он умирает от рака. Если в детстве нас не могли различить, то сейчас это не составит труда. Я достаю из-под тумбочки аспирин, встаю и тянусь к рюкзаку, который валяется на полу. Насколько я помню, там была вода. Запиваю и морщусь. Кажется, вода была несвежая, на вкус она отвратительна, но у меня так пересохло горло, что это не важно. Босиком, спотыкаясь о разбросанные вещи, бреду в свою ванную и долго стою под душем в ожидании, когда подействует таблетка. Микаэль — единственный человек на этой планете, который никогда не осуждал меня. Никогда не пренебрегал мною. И никогда не предавал.

Выйдя из душа, я выбираю одежду и, посмотрев в зеркало, вижу нашу общую фотографию, приклеенную к рамке. На ней нам обоим по восемь лет и мы совершенно не отличаемся, даже одеты одинаково. Разные у нас только взгляды: его — умный, а мой — озорной. Вот и все различия. Как же тяжело понимать, что часть тебя умирает! И как тяжело дается осознание, что ты ничего не можешь с этим поделать. Тебе не остановить эту лавину — рано или поздно она накроет дорогого человека и унесет с собой. Понять и принять этот факт практически невозможно. День за днем ты просыпаешься с дырой в груди, с абсолютной пустотой внутри и понимаешь, что не убежишь от надвигающегося будущего и никак не изменишь его.

Выйдя в коридор, я направляюсь в комнату брата. Я никогда не стучу, просто открываю дверь и вижу его лицо. Глаза Микаэля закрыты, ноутбук валяется на полу. Не знаю, спит ли он по-настоящему или всего лишь притворяется. Я ложусь на коричневый кожаный диван, сунув руку под голову. Ну что, поспим вместе. Когда-то мы все делали вместе. Как же я люблю его и как же не хочу, чтобы он умирал! Безнадежный страх сменяется гневом. С тяжелым сердцем я закрываю глаза, стараясь уснуть. Но щемящая пустота не хочет оставлять меня. Она следует за мной в царство Морфея.

ГЛАВА 2

МИКАЭЛЬ

БРАТ СПИТ на моем диване, и я точно знаю: он не притворяется. Его длинные волосы собраны в хвост. Грудь вздымается и опускается в беспокойном дыхании. Интересно, ему снятся кошмары? Я не бужу его, а внимательно всматриваюсь в каждый дюйм его тела. Он крепко сложен: тренировки по кикбоксингу дают о себе знать. Его майка задралась, обнажая левый бок и открывая моему взору угольно-черный текст татуировки. Она свежая, до сих пор покрасневшая, с нее еще не сошла корочка. Мы близнецы, мы оба похожи на маму. Только он действительно на нее похож, а я похож на ракового больного. Он красивый: черные волосы до плеч, здоровый цвет лица. А я серый, бледный и никчемный. Нет, я не завидую ему. Я счастлив, что он не проходит через то же, что я. Я счастлив, что он красивый, молодой, здоровый. Ведь он мой брат. Моя плоть и кровь. Если бы у меня был выбор, кому из нас достанется эта болезнь, я бы все равно выбрал себя. Самое смешное, я больше чем уверен, что он тоже предпочел бы взять страдания на себя. Только мне эта ноша под силу, а ему, пожалуй, нет. Я принял свою

болезнь. Он бы не смог, он слишком любит жизнь и слишком полон страсти.

Рафаэль резко открывает глаза и смотрит прямо мне в лицо. Глаза у него темные, почти черные, в них не видно зрачков. У меня точно такие же глаза, только его опущены густыми ресницами, а мои ресницы давно поределели. Его глаза блестят, а мои тусклые. Вот и вся разница.

— Давно пялишься? — интересуется он. Голос его после сна звучит грубее обычного.

— Ты спал больше четырех часов, интересная была ночка?

Он ухмыляется и дерзко смотрит на меня. Вот это я люблю в нем больше всего на свете. Рафаэль — единственный человек на планете, который не смотрит на меня с жалостью.

— Не представляешь насколько. Мы были в клубе, и я ушел оттуда с двумя близняшками. И угадай что? Как только я рассказал им о тебе, моем дорогим брате-близнеце, эти две крошки решили назначить нам второе свидание. Ну что скажешь? Ты, я и близняшки? — Он утрированно поднимает брови. — Кстати, тот факт, что у них настоящий четвертый размер, должен перевесить чашу весов в твоей голове.

— Перевесить в какую сторону? Я не люблю большую грудь.

— Это потому, что в одной постели с тобой еще не было большой груди, брат мой. Все дело в отсутствии опыта.

Его серьезный тон смешит меня, и я ухмыляюсь.

— Ты сказал им, что твой брат умирает от рака? Повисает пауза. Не знаю, зачем я произнес это вслух. Но выражение боли на его лице заставляет меня пожалеть о сказанном.

— Извини, Раффи. Просто вырвалось.

Он быстро берет себя в руки и швыряет в меня диванной подушкой.

— Любишь, чтобы тебя жалели, да? Думаешь, если скажешь телкам: «Я умираю, трахнетесь со мной последний раз?» — это сработает? — Наглая ухмылка на лице и озорные огоньки в глазах — в этом весь Рафаэль. — Не выйдет, братец, ты чертов Мика Делион*. Львиная кровь. Девки дадут тебе без всякой бредовой истории о последних шансах.

Он вскакивает с дивана.

— Я чертовски голоден, пойду уничтожу все продукты и вернусь. А потом сделаю тебя в ФИФА.

Резкая смена темы, поспешный побег с моего дивана. Моя фраза уколола его больше, чем мне хотелось.

— Вызов принят, — отвечаю я без особого энтузиазма. — Раф, не мог бы ты, пожалуйста, подать мне компьютер? — Мне нужно еще раз убедиться. Нужно еще раз зайти на ее страницу.

Рафаэль смотрит на меня как на больного. Больного на голову. Он делает так всякий раз, когда я с ним вежлив, и это немного меня смешит.

— Вот, возьмите, сударь, — произносит он, протягивая ноутбук и отвешивая мне легкий поклон головой.

* «Делион» звучит по-французски так же, как «два льва» — deux lions.

